

*Мачуха А.М., соискатель,
Васильева О.С., кандидат биологических наук, профессор,
Южный федеральный университет*

ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ КОНСТРУКТА ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, по достаточно актуальному на сегодняшний день вопросу наук о человеке, а именно содержательным решением установления «меры» изменчивости и устойчивости такого междисциплинарного феномена как идентичность в структуре конструкта зрелости личности. Актуальность затронутого вопроса обусловлена постоянным ростом социальной вариативности, многообразием социальных общностей, возникновением новых видов деятельности, социальных ролей, групповых норм, т.е. создания новых структур самоидентичности, что выдвигает перед человеком задачи необходимости осуществления постоянного самоопределения. В работе представлены результаты анализа представлений о начальных моментах формирования идентичности и её месте в определении здоровья и зрелости личности, разбираются процессы формирования эго-идентичности и каковы ее основные механизмы и этапы формирования. Результаты, полученные в ходе исследования, позволили сформулировать вывод, что эго-идентичность следует рассматривать в качестве целостного интегративного образования, определяющего зрелость личности, измерение которой возможно путем наблюдения за поступками и поведением человека, а также анализа линии его жизни. В результате осуществленного исследования стало очевидным, что построения личностью собственной идентичности по принципу «от противного» в отношении отвергаемого поведения значимых для социализации лиц или за счет создания «агглютинированных» идеализируемых образцов создают условия виртуализации внутреннего мира личности и ее отрыва от социальной реальности в сторону формирования элементов внутренней диссоциации, а элементы эго-идентичности входят в структуру характера и отражают его частные проявления. Практическая значимость полученных результатов определяется установленными особенностями проявлений идентичности в поведении и поступках человека, что выступает в качестве объяснительной базы многих личностных детерминант, конкретизируя деятельность специалистов, профессиональная деятельность которых лежит в сфере вопроса настоящего исследования.

Ключевые слова: идентичность, эго-идентичность, зрелость личности, изменчивость, устойчивость, самоидентичность

Введение

Пожалуй, одно из самых простых определений идентичности дает С.А. Мазуркевич, постулируя ее как «устойчивое и последовательно появляющееся ощущение собственного равенства своему реальному жизненному пути и своему месту в обществе» [7, с. 77]. Такое определение мы бы больше соотносили с понятием «аутентичности» («подлинности»), но в нем есть смысл применительно и к идентичности, если соотносить это определение с идентичностью не как с динамическим процессом, а как со статическим состоянием, устойчивым внутренним переживанием. Однако и при такой транскрипции идентичности возникает ряд вопросов, т.к. оценка личностью и своего жизненного пути, и собственного места в обществе – это явления, порою, достаточно субъективные, чреватые «перекосами», а значит и экзистенция, и реализация идентичности, оцениваемые из внутренних и внешних источников, могут отличаться друг от друга. Как следствие, уже такое простое понимание идентичности может отражать в себе и позиции личностной зрелости, и незрелости, но

также и личностных нарушений. Идентичность, по мнению крупнейшего числа авторов, ее изучающих, является междисциплинарным феноменом, но основная суть ее как общего конструкта, как на это обращает внимание один из ведущих отечественных социальных психологов Е.П. Белинская [2], измеряется «мерой» изменчивости/устойчивости, и содержательное решение этой проблематики для современного человека, по мнению Е.П. Белинской, является и одной из самых «болезненных точек» наук о человеке, и выступает насущной проблемой для современного человека в плане ее разрешения: с одной стороны идентичность, реализующая себя посредством механизма социальной идентификации, позволяет человеку чувствовать свою принадлежность посредством гендера, семьи, религии, принадлежности к нации и т.д. включенным в определенные социальные общности, а с другой стороны именно эта включенность в определенном смысле тормозит и ограничивает индивидуальные свободы человека в его внутренней интенции, которые, используя терминологию К.Г. Юнга можно было бы назвать

его индивидуацией (но вопрос, конечно же, гораздо шире индивидуации). Однако постоянное возрастание социальной вариативности, многообразие социальных общностей, возникновение новых видов деятельности, социальных ролей, групповых норм ставят перед человеком задачи постоянного самоопределения, т.е. создания новых структур самоидентичности, и, кроме того, само такое явление, как идентичность, будучи, как уже сказано, междисциплинарным, недостаточно определено в науке.

При этом актуальность связи эго-идентичности с личностной зрелостью в современных условиях обусловлена выделением, как минимум, двух важных переменных: во-первых – это необходимость фиксированности базовых структур эго-идентичности (гендерной, семейной, национальной и профессионально-ориентированной), которая должна четко проявлять себя уже в юности, и во-вторых – готовность личности к выработке новых структур Я-идентичности в новых стремительно изменяющихся жизненных условиях, и через это – готовности не просто соответствовать требованиям общества, но и творить новое через инновационные его изменения и изменения себя, а это нередко может идти и вразрез с общественными устоями.

И.А. Шляпникова [13] выделяет три принципиальных направления в изучении взаимосвязи идентичности с личностной зрелостью: 1) представления о схожести или крайней близости, «склеенности» этих явлений (зрелость личности понимается как сформированная идентичность, т.е. качеством зрелости выдвигается достигнутая идентичность, определенный уровень которой может быть измерен, например, с помощью интервью Дж. Марсиа, в юности [15]; 2) представления об эго-идентичности как одном из критериев личностной зрелости (согласно модели психосоциальной зрелости Е. Greenberger и В. Sorensen [14] достигнутая зрелая идентичность входит в структуру зрелой личности взрослого человека вместе с уверенностью в собственных силах и профессиональной направленностью); 3) представления о том, что и свойства зрелой личности, и качественные характеристики идентичности выступают свойством «субъектности» (отечественное направление), где субъектность выступает центром координации всех психических процессов, свойств и состояний (А.В. Брушлинский, и субъект определяется (Е.А. Сергиенко) как человек, функционирующий «на высшем уровне своей активности, целостности, автономности».

Мы воздержимся от комментариев каждого из этих подходов, определив, однако, что без достижения личностью прочного уровня идентичности говорить о психологической зрелости личности нет смысла, и в своей работе попробуем провести общий анализ представлений о начальных моментах формирования идентичности и ее месте в определении здоровья и зрелости личности.

Теоретическое обоснование проблемы исследования

Опуская вопросы понимания эго-идентичности как идентификации субъекта с отдельными социальными образованиями посредством, в основном, интеризации их требований, попробуем, прежде всего, разобраться, как начинаются процессы формирования эго-идентичности и каковы ее основные механизмы, что может пролить свет на особенности сколь либо нормативности процессов ее образования, с чего, на наш взгляд, и нужно начинать вопросы соотношения эго-идентичности с личностной зрелостью/незрелостью.

Как подчеркивает Н.Л. Полякова [9], созданная Э. Эриксоном в своем классически понимаемом варианте теория идентичности опирается на идеи З. Фрейда о представлениях в отношении «эго» как о производном от конфликта противостоящих психических сил: изначально заданных природой сексуальности, агрессивности и социального начала, присутствующего в семье в аспектах родительской власти, авторитета, зависимости и любви ребенка к родителям, благодаря чему постоянные взаимодействия этих сил и создают динамические условия всех личностных образований ребенка, в том числе – и идентичности, которая, согласно Эриксону, «стартует с факта изначальной включенности человека в групповые практики и опыт» [9, с. 24], и это обусловлено прежде всего тем, что в любом человеческом обществе «обучение ребенка интегрировано в четко определенную социальную систему и в некоторую устойчивую систему образцов», и это обучение всегда передается через *телесный* опыт ребенка, а через него – его *становящемуся эго*, таким образом, идентичность – это «способы организации опыта» [9, с. 24]. По мнению Дж. Мида [8] весь мир выступает для человека как предельно обобщенный Другой, поэтому человек не способен иметь неантропоморфный континуум.

Мысль о столкновении индивидуально-биологического в младенце по удовлетворению своих потребностей с требованиями социального (в начале – в отношениях с первичным ухаживающим объектом – чаще это материнская фигура) в плане организации удовлетворения этих потреб-

ностей (и их ограничения) натолкнула нас на мысль рассмотреть аспекты формирования характера, предлагаемые отдельными психоаналитически ориентированными авторами, что также на наш взгляд, отражает и некоторые аспекты отражения индивидуального при формировании идентичности.

Воспользуемся анализом, предоставленным С.-М. Джонсоном [5], но прежде остановимся на идеях Д. Винникотта [4] о «достаточно хорошей матери» и «нормативном нарциссизме». Определяя условия «достаточно хорошей матери», Д. Винникотт описывает ее как умеющую вовремя и в достаточном объеме удовлетворить физические запросы младенца в питании и тепле, но, прежде всего, в эмоциональном контакте и заботливом уходе, но постепенно создающей также условия «оптимальной фрустрации» (отсрочивания удовлетворения потребностей), которая способствует развитию ребенка. При этом своей эмоциональной привязанностью к ребенку мать всецело обеспечивает чувство его всемогущества, подкрепляя его естественный нарциссизм, но по мере развития ребенка матери необходимо привить ему чувство того, что окружающие его люди так же «хороши», как и он сам: недостаточный контакт матери и ребенка может создать у него пожизненное чувство «ущемленного» нарциссизма, а гиперопека или демонстрация своей слабости перед ним чувство инфляции его Я, завышение его самооценки и породить серьезные проблемы, связанные с «раздуванием» его нарциссического Я. Кроме того, постоянное стремление матери оказать давление на ребенка с целью «соответствия» ребенка ее требованиям создает условия формирования у него «фальшивого self». Вот, пожалуй, самое краткое изложение идей Винникотта.

Теоретики анализа характера, в частности, А. Levy и Е. Bleeker [5], представляют его развитие в виде пяти этапов: на 1-й фазе осуществляется попытка самоутверждения через первоначальную экспрессию инстинктивных потребностей; далее на 2-м этапе актуализирующие себя потребности могут быть заблокированы или фрустрированы социальным окружением; как ответ на негативную реакцию социальной среды (3-я стадия) возникает естественная реакция в форме экспрессии интенсивных негативных переживаний (злости, ужаса или сожаления об утрате), однако характер формируется лишь на последующих 2-х стадиях; 4-й этап авторы называют самоотрицанием, когда реакция социума обращается против собственного Я за счет блокировки своих негативных импульсов и блокировки вырабатываемой агрессии в ответ на

фрустрации, вызванные средой, и именно такая интернализация блокады создает патологию характера (напомним, что в психоанализе характер рассматривается в континууме: нарушение личности (borderline – граница, демаркационная линия), невроз характера и стиль характера); 5-й этап формирования характера фактически назван процессом адаптации.

«Процесс самоотрицания определяет, от чего личность должна отречься или что должна подавить. Процесс адаптации отвечает за то, что она должна преувеличить. То, какая часть настоящего self личности подвергается подавлению, а какая преувеличению, точно определяет характер - так, как мы его здесь понимаем. Психопатологию мы можем наблюдать как в подавлении, так и в преувеличении, а еще чаще в естественной склонности личности к такого рода привычной, неестественной адаптации, цель которой состоит в избегании боли в процессе контактов» [5, с. 21]. И далее: «Подавление и вытеснение [агрессивных и сексуальных] влечений обуславливает невозможность их удовлетворения и [создает условие] отсутствия оптимальной фрустрации, ввиду чего они не могут созреть и оказаться надлежащим образом встроенными во взрослую личность» [5, с. 74].

Мы не можем утверждать, что именно самоотрицание с последующей адаптацией являются обязательными механизмами формирования любого характера, ведь здесь речь идет о патологических образованиях характера, однако большинство современных авторов [1, 3, 6, 11 и др.] сходятся во мнении, что в основе образования характера часто лежит именно решение человеком сложных жизненных задач, т.е. решение ситуации фрустрации и конфликта, и в каком направлении будет осуществлено их решение, выступает основоопределяющим для качественных характеристик человеческого характера.

Однако также нам представляется, что именно процессы самоотрицания/адаптации лежат в основе построения первичной идентичности (через интернизацию в собственное супер-эго прежде всего требований и ограничений материнского объекта, и речь идет о формировании у ребенка наиболее жесткого материнского супер-эго) для, в последующем незрелой и чаще «пограничной» личности, либо в принятии себя и возникновении доверия к миру, но также с интернизацией в супер-эго достаточно «мягких» и оптимальных требований «достаточно хорошей матери» у, в последствии, достаточно здоровых личностей. При этом в данном случае речь идет, прежде всего, о формировании самой первичной и самой важной идентичности,

идентичности «обладания *живым* человеческим миром», нарушенность ощущения чего, как известно, прямо связано с выраженностью пограничной и психотической патологии.

Следующим значимым элементом формирования идентичности мы бы могли назвать формирование структур супер-эго, которое в значительной степени связывают с наличием и ролью отца, независимо, ребенок мальчик или девочка. При этом на патологическое влияние безотцовщины издавна обращали внимание многие отечественные авторы, однако именно в психоаналитическом дискурсе обращается особое внимание на место отца и отношений с ним для построения ребенком ощущения отделенности от материнской фигуры, и, далее – возникновения сепарации-индивидуации. Как указывает Е. Фридрих [12], по данным Е. Abelin ребенок, находясь на симбиотической с матерью фазе отношений, уже в период с 5-го по 9-й месяц жизни начинает обращать внимание на отца и реагирует на него посредством улыбки, а на фазе дифференциации (вторая половина 1-го года жизни; М. Малер называет эту фазу 1-й по выходу ребенка из симбиотического союза с матерью) роль отца возрастает, т.к. для ребенка фиксируется иной чем мать в своей единственности объект для трансляции своих либидозных и агрессивных импульсов. Т.е. в случае отсутствия отца мать продолжает оставаться единственным объектом, на который ребенок может транслировать такие импульсы, что всегда чревато неспособностью матери произвести контейнирование (по У.Р. Биону) этих импульсов. Кроме того, фигура отца позволяет ребенку «отойти» от своих переживаний («переключиться»), что создает у него опыт их вытеснения, и в противном случае ребенок может не «созреть» для зрелого процесса вытеснения и психологическая напряженность у него может сохраняться чуть ли не постоянно. Одновременные отношения ребенка с отцом и матерью, т.е. создание именно триангулярных отношений, способствуют стабилизации структуры Я-САМ (self) ребенка в качестве разделенного единства, и, кроме того, консолидации ранее фрагментированного репрезентативного мира, а также объединению в единое целое ранее разделенных «хороших» и «плохих» объектов (по М. Кляйн).

Французские исследователи под руководством Ж. Бержере [10], говоря о построении идентичности у ребенка, указывают, что она состоит из множества производимых им идентификаций, осуществляемых при участии сознательных фантазий, симптомов, защит, различных форм деятельности, фантазмов, наконец, включения мечты, но самая

архаическая идентификация всегда восходит к телу ребенка с его сугубо физиологическими функциями, но это тело вторично символизируется и становится телом-языком, местом представления (как истерические симптомы) и драматизируется. В генезе психического развития совместно с идентичностью пространства собственного тела и тела другого и половой идентичностью, завершаемой после эдиповой фазы после проявлений латентной бисексуальности авторы также выделяют личностную идентичность, для которой характерно получение индивидом удовольствия от своей психической деятельности. Важным для нас является то, что авторы обращают внимание на формирование идеалов в структурах эго и супер-эго в случаях отсутствия в непосредственном физическом окружении близких объектов, и чаще всего таким выступает отец (и гораздо реже мать или оба родителя, и такие нарушения идентичности в форме постоянного поиска ответа на вопрос «кто же мои родители» и «какие они» или поиска родителей вообще (сторонних) мы наблюдаем у детей-сирот). В случае отсутствия родителя или наличия у ребенка неприязни к реальному родителю ребенок часто прибегает к созданию фантазийного образа-образца, и такой идеализированный родитель, часто занимающий определенное место в Я-концепции ребенка и в его супер-эго, как это отмечают авторы, выступает для личности гораздо более дестабилизирующим фактором, чем реальный, но в определенном смысле негативно воспринимаемый родитель.

Приведем наблюдаемый нами пример. Молодой человек (в настоящее время ему 37 лет) до настоящего времени проживает с матерью, осуществившей развод с мужем по причине, в основном, его алкоголизма, когда мальчику было 11 лет. Отношения с отцом молодой мужчина поддерживает до настоящего времени. Отец, когда молодому человеку было 23 года, подарил ему свою струю (отечественную) машину. Облучаясь в аспирантуре и готовя кандидатскую диссертацию в области сельского хозяйства, в свободное время молодой человек произвел полный ремонт подаренной отцом машины, затем защитил диссертацию и через небольшой промежуток времени купил себе второй гараж (живет в провинциальном городе, где цены на такую недвижимость относительно не высоки) и купил себе достаточно дорогую иномарку, сохранив, однако, восстановленную машину, подаренную отцом. При этом молодой человек крайне мало пользуется любой из 2-х находящихся у него автомобилей. Внешне выглядит, что его жизнь достаточно успешна и в полной мере

реализована, но молодой человек не состоит в браке и продолжает проживать с мамой, и, при этом, совершенно очевидно, что его работа в университете преподавателем, равно как и его научная деятельность не являются его экзистенциальными образованиями. Интерес представляет то, что этот молодой человек через некоторое время после покупки иномарки совершает покупку старого автомобиля, причем такой же марки, как и подаренной отцом, с целью его восстановления: поступок, который не называют хобби даже те его относительные сверстники – соседи по гаражу, для которых авто ремонт является основным средством заработка. Иначе говоря, навязчивое повторение, состоящее в приобретении с целью восстановления рядового автомобиля, и здесь не может идти речь о популярном сейчас восстановлении ретро автомобилей, выступает определенной отработкой формируемой для себя идентичности по мужскому типу, субъективно значимый образец для которой был искусственно создан путем заимствования («образец» мужчины – мужчина-мастер, занимающийся сложным ремонтом, что коренным образом отличает этот образ от большого алкоголизмом бездельника-отца). При этом с полной очевидностью этим молодым человеком снижается значимость его видимых жизненных успехов – должность доцента в вузе и обладание дорогим автомобилем-иномаркой. Однако и успехи по восстановлению купленного для «подкрепления» эго-идентичности отечественного автомобиля также постепенно сошли на нет. Т.е. формируемая искусственным образом идентичность в своем итоге сильно ограничила личность в ее естественных жизненных проявлениях и развитии: молодой человек достаточно закрыт, ограниченно контактен и внутренне напряжен.

Продемонстрированный случай показывают не только сильную связанность отдельных аспектов гендерной идентичности с личностной зрелостью, но и то, как «построенная» на идеализированных образцах эго-идентичность не дает полной возможности для личности обрести ее целостность.

Выводы

Результаты, полученные в ходе исследования, позволили сформулировать следующие выводы:

1) эго-идентичность является очень сложными многомерным, но – целостным интегративным образованием, во многом определяющим зрелость личности;

2) благодаря сложности и многомерности идентичность как целостный психологически конструкт не может быть выявлена техническими средствами, но лишь наблюдением отчасти за текущими поступками и поведением человека, но в основном по результатам анализа линии его жизни, и это же в связи обусловленности личностной зрелости явлениями идентичности можно говорить и об явлении личностной зрелости, и вести речь о ней в ее максимальном объеме можно лишь в аспектах анализа жизненного пути личности;

3) попытки построения личностью собственной идентичности по принципу «от противного» в отношении отвергаемого поведения значимых для социализации лиц или за счет создания «агглютинированных» (от «агглютинация» - склеивание) идеализируемых образцов создают условия виртуализации внутреннего мира личности и ее отрыва от социальной реальности в сторону формирования элементов внутренней диссоциации;

4) элементы эго-идентичности входят в структуру характера и отражают его частные проявления, но особенностью проявлений идентичности в поведении и поступках человека является то, что именно включенность эго-идентичности в поведение сопровождается также всегда другими личностными явлениями (как, например, нарциссическими проявлениями) и также может иметь объяснительную базу в других личностных детерминантах, что легко может вызывать нарекания с точки зрения участия в поведении детерминант, связанных именно с его эго-идентичностью.

Литература

1. Артюхова Т.Ю. Жизнестойкость и внутриличностный конфликт как ресурсные возможности сохранения психологического здоровья человека // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал. Материалы Международной научно-практической конференции. 2014. Красноярск: Версо. 2014. С. 111 – 120.
2. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Том 8. № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.07.2020)
3. Брагина Н.В. Жизнестойкость личности и типы индивидуального опыта // Наука и мир. Волгоград: ООО «Издательство «Научное обозрение». 2014. Том 1. № 3 (7). С. 152 – 155.
4. Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс. 1998. 110 с.

5. Джонсон С.-М. Психотерапия характера: Методическое пособие для слушателей курса «Психотерапия». М.: Центр психологической культуры, 2001. 356 с.
6. Дуганова Ю.К. Жизнестойкость людей с различной психологической безопасностью // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск: Омская гуманитарная академия. 2010. № 6. С. 130 – 133.
7. Мазуркевич С.А. Формирование Эго-идентичности подростка в современной семье // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: педагогика и психология. Симферополь: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». 2017. №3(9). С. 77 – 81.
8. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ. 1994. С. 226.
9. Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Том 22. № 4. С. 22 – 42.
10. Психодинамическая психология. Теория и практика / Под ред. Ж. Бержера. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. 2001. 400 с.
11. Пшеничникова О.А., Хачатрян А.И., Ланиелян А.А. Характер и особенности его формирования // Студенческая наука XXI века. Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2016. № 1-1 (8). С. 214 – 216.
12. Фридрих Е. Триангуляция // Психодинамический вестник. 1998. № 6. С. 14 – 19.
13. Шляпкина И.А. Проблема взаимосвязи личностной зрелости и эго-идентичности: теоретические предпосылки // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 т. / Отв. ред. Богоявленская Д.Б. 2015. М.: ООО «Когито-Центр». 2015. С. 80 – 82.
14. Greenberger E., Sorensen B. Toward a Concept of Psychosocial Maturity // Journal of Youth and Adolescence. 1974. V. 3. №4. P. 329 – 352.
15. Josselson R., Greenberger E., McConochie D. Phenomenological aspects of psychosocial maturity in adolescence. Part I. Boys // Journal of Youth and Adolescence. 1977. № 6. P. 25 – 55.

References

1. Artyuhova T.YU. ZHiznестojkost' i vnutrilichnostnyj konflikt kak resursnye vozmozhnosti sohraneniya psihologicheskogo zdorov'ya cheloveka. Psihologicheskoe zdorov'e cheloveka: zhiznennyj resurs i zhiznennyj potencial. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2014. Krasnoyarsk: Verso. 2014. S. 111 – 120.
2. Belinskaya E.P. Izmenchivost' YA: krizis identichnosti ili krizis znaniya o nej? Psihologicheskie issledovaniya. 2015. Tom 8. № 40. S. 12. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 17.07.2020)
3. Bragina N.V. ZHiznестojkost' lichnosti i tipy individual'nogo opyta. Nauka i mir. Volgograd: ООО «Izdatel'stvo «Nauchnoe obozrenie». 2014. Tom 1. № 3 (7). S. 152 – 155.
4. Vinnikot D.V. Malen'kie deti i ih materi. M.: Klass. 1998. 110 s.
5. Dzhonson S.-M. Psihoterapiya haraktera: Metodicheskoe posobie dlya slushatelej kursa «Psihoterapiya». M.: Centr psihologicheskoy kul'tury, 2001. 356 s.
6. Duganova YU.K. ZHiznестojkost' lyudej s razlichnoj psihologicheskoy bezopasnost'yu. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. Омск: Омская гуманитарная академия. 2010. № 6. С. 130 – 133.
7. Mazurkevich S.A. Formirovanie Ego-identichnosti podrootka v sovremennoj sem'e. Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: pedagogika i psihologiya. Simferopol': Gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya Respubliki Krym «Krymskij inzhenerno-pedagogicheskij universitet imeni Fevzi YAkubova». 2017. №3(9). S. 77 – 81.
8. Mid Dzh. Internalizovannyye drugie i samost'. Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. M.: Izd-vo MGU. 1994. S. 226.
9. Polyakova N.L. «Identichnost'» v sovremennoj sociologicheskoy teorii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. Tom 22. № 4. S. 22 – 42.
10. Psihoanaliticheskaya patopsihologiya. Teoriya i praktika. Pod red. ZH. Berzhere. M.: Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova. 2001. 400 s.
11. Pshenichnikova O.A., Hachatryan A.I., Lanielyan A.A. Harakter i osobennosti ego formirovaniya. Studencheskaya nauka XXI veka. CHEboksary: ООО «Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus». 2016. № 1-1 (8). S. 214 – 216.

12. Fridrih E. Triangulyaciya. Psihoanaliticheskiy vestnik. 1998. № 6. S. 14 – 19.
13. SHlyapnikova I.A. Problema vzaimosvyazi lichnostnoj zrelosti i ego-identichnosti: teoretiche-skie predposylki. Ot istokov k sovremennosti. 130 let organizacii psihologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubilejnoj konferencii: v 5 t. Otv. red. Bogoyavlenskaya D.B. 2015. M.: OOO «Kogito-Centr». 2015. S. 80 – 82.
14. Greenberger E., Sorensen B. Toward a Concept of Psychosocial Maturity. Journal of Youth and Adolescence. 1974. V. 3. №4. P. 329 – 352.
15. Josselson R., Greenberger E., McConochie D. Phenomenological aspects of psychosocial maturity in adolescence. Part I. Boys. Journal of Youth and Adolescence. 1977. № 6. P. 25 – 55.

*Machukha A.M., Applicant,
Vasilyeva O.S., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Professor,
Southern Federal University*

EGO-IDENTITY IN THE STRUCTURE OF THE PERSONAL MATURITY CONSTRUCT

Abstract: the article presents the results of research on a rather topical issue of human sciences, namely, a meaningful solution to establish the «measure» of variability and stability of such an interdisciplinary phenomenon as identity in the structure of the construct of personality maturity. The relevance of this issue is due to the constant growth of social variability, the diversity of social communities, the emergence of new types of activities, social roles, group norms, etc. creating new structures of self-identity, which puts before the person the task of the need for permanent self-determination. The paper presents the results of the analysis of ideas about the initial moments of identity formation and its place in determining the health and maturity of the individual, examines the processes of ego-identity formation and what are its main mechanisms and stages of formation. The results obtained in the course of the study allowed us to formulate the conclusion that ego-identity should be considered as a holistic integrative education that determines the maturity of the individual, the measurement of which is possible by observing the actions and behavior of a person, as well as analyzing the line of his life. As a result of the research, it became obvious that the construction of a person's own identity on the principle of «from the opposite» in relation to the rejected behavior of persons significant for socialization or by creating «agglutinated» idealized samples create conditions for the virtualization of the inner world of the individual and its separation from social reality towards the formation of elements of internal dissociation, and the elements of ego-identity are included in the structure of character and reflect its particular manifestations. The practical significance of the results obtained is determined by the established features of identity manifestations in human behavior and actions, which acts as an explanatory basis for many personal determinants, specifying the activities of specialists whose professional activities are in the scope of this study.

Keywords: identity, ego-identity, personality maturity, variability, stability, self-identity